

Ю.П. Бокарев

Формационная теория в отечественной историографии¹

Тезисы доклада

1. Теория общественно-экономических формаций создавалась К. Марксом под большим влиянием философии истории К. В. Ф. Гегеля. Как и Гегель, Маркс считал, что каждое общественное явление порождает свою противоположность. Противоположности вступают в борьбу, которая завершается их объединением, синтезом на более высоком уровне. Достигнутое единство порождает новую оппозицию, становясь исходной точкой для следующего витка борьбы и единства противоположностей. А гегелевское наблюдение, согласно которому результаты поступков людей оказываются иными, чем те цели, которые они преследовали, легла в основу марксистской теории о роли личности в истории.

Я полагаю, что на создание Марксом теории общественно-экономических формаций повлияло разделение Гегелем истории на четыре эпохи: восточную, греческую, римскую и германскую. Точно так среди выделяемых Марксом способов производства (наряду с другими) мы находим: азиатский, античный и германский. То есть формации не только исторически сменяют друг друга, занимая в истории определенный отрезок времени, но также имеют некий географический центр, из которого берет начало их распространение. Это было проигнорировано в нашей литературе. Считалось, что переход от одной формации к другой является следствием развития внутренних производительных сил каждой страны. Региональная синхронизация развития группы стран на основе изменения окружающего их экономического пространства не изучалась.

2. Были и другие причины непринятия в нашей литературе территориальной привязки способов производства. В предисловии к работе «К критике политической экономии» Маркс писал: «В общих чертах, азиатский, античный, феодальный и современный, буржуазный, способы производства можно обозначить, как прогрессивные эпохи экономической общественной формации»². В советском же варианте исторического материализма признавались следующие пять способов производства: первобытно-общинный, рабовладельческий, феодальный, капиталистический и коммунистический. То есть античный способ был поименован «рабовладельческим», а азиатский – вообще был выброшен из схемы. Таким образом, создавалась видимость мировой универсальности формационной теории.

3. Кроме того азиатский способ производства хотя и был исключен из советской

¹ © Ю.П. Бокарев, 2017 г.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 13. М.: Госполитиздат, 1959. С. 7.

схемы, игнорировать его благодаря работам Маркса было невозможно. Предлагались разные способы решить эту проблему. В 1908 г. Г. В. Плеханов пришел к выводу, что азиатское и античное общества представляют собой не две последовательные фазы развития, а две параллельно существующие формации. Эта концепция имела сторонников и среди советских историков ((Л. И. Мадьяр, В. В. Ломинадзе, Е. С. Варга). Но теоретиков исторического материализма поливариантность истории никак не могла удовлетворить. Ведь получалось, что у человечества нет единого пути развития. Была попытка представить дело так, будто теория азиатского способа производства была лишь гипотезой Маркса, впоследствии им отвергнутая (С. М. Дубровский, Е. С. Иолк). Однако труды Маркса этого не подтверждали. Некоторые исследователи считали, что азиатский способ производства характерен для обществ, переходящих от доклассового к классовому устройству (Р. М. Нуреев). Но такая «переходность» не наблюдалась в европейских обществах, что разрушало универсальность схемы. Были попытки представить азиатский способ производства восточной разновидностью феодализма (Н. М. Никольский). Но тогда феодализм оказывался формацией, предшествовавшей рабовладению. Существовала также группа исследователей, доказывавших, что азиатский способ производства является формой рабовладения (В. В. Струве). Но можно ли называть рабовладельческими страны, в которых рабы немногочисленны и не играют никакой роли в экономике? Тем не менее, концепция Струве была положена в основу учебников и многотомной «Всемирной истории». Сейчас очевидно, что проблема азиатского способа производства не решена.

4. Так называемая «рабовладельческая формация» представляется больше теоретическим, чем основанном на историческом материале построением. Для такой формации необходимо жесткое разделение общества на рабовладельцев и рабов. Но ни в одном обществе древности, включая римское, не было такого общественного класса как «рабовладельцы». Римляне вообще не знали подобного слова. Люди, имевшие рабов, принадлежали к разным общественным группам, подчас совершенно ничего общего не имевших друг с другом. Рабами могли владеть и сами рабы, становившиеся таким образом «рабами-рабовладельцами». Поэтому обладание рабами нельзя считать конституирующим признаком класса. Известное больше по художественной литературе, чем по источникам восстание Спартака касалось не рабов, а гладиаторов, состоявших не из одних рабов, а также и свободных. К ним периодически присоединялись и уходили сотни тысяч деклассированных, жаждавших добычи. Современные историки установили, что за все время существования рабства доля рабов в составе всего населения Древней Греции и Рима не превышала 2 млн. человек. Уже из этого числа можно понять, что одной из основных производящих сил общества рабы не были. Поэтому рабовладельческая

формация еще ждет критического исследования.

До Октябрьской революции лишь очень немногие историки признавали феодальный период в истории России. При этом никто из них не выходил за рамки Северо-Восточной Руси и удельной эпохи. Киевская Русь считалась нефеодальным «дружинно-вечевым» государством. Только Павлов-Сильванский утверждал обратное. С приходом к власти большевиков положение резко изменилось. Марксистско-ленинская идеология требовала унификации исторического процесса не только в Европе и России, но и во всем мире. Поскольку социально-экономическое устройство Руси не отвечало критериям европейского феодализма, в СССР был сформулирован свой перечень признаков феодализма: 1) господство натурального хозяйства; 2) наделение непосредственного производителя средствами производства; 3) личная зависимость крестьянина от помещика (внеэкономическое принуждение); 4) крайне низкое и рутинное состояние техники.

Обманывая себя термином «феодализм», мы закрываем глаза на то, как реально было устроено общество в Московском государстве XVI в., где население делилось на два класса: тягловый и служилый. В рамках тяглого класса находились все экономические функции. Тягловый класс нес все денежные, натуральные и трудовые повинности. Служилый же класс выполнял все военно-политические и государственные функции. Такому строю мы обязаны той упорной и тяжелой борьбой, которую Россия вела в XIV–XVI вв. за свое существование.

Нельзя также отождествлять промышленное развитие с генезисом капиталистических производственных отношений. Промышленное развитие – это объективная фаза экономического развития, связанная с переходом от мелкого ремесленного производства к крупной мануфактуре и фабрике. А капитализм – это только одна из общественных форм, в рамках которых может происходить промышленное развитие.

Мы закрываем глаза (или зачисляем в разряд «пережитков») на то обстоятельство, что для России всегда были свойственны и естественны две формы собственности: государственная (казенная) и общинная (общественная), а частная была как бы вторична. Но частная форма собственности – это не единственная форма собственности, совместимая с промышленным развитием. Предполагается, что для развития крупной промышленности необходимы частный собственник средств производства и лишенный их пролетариат, работающий за заработную плату. Но в крепостной России пролетариата не было, собственная крупная промышленность существовала.

Ориентируясь на общий характер эпохи, многие историки характеризуют казенные и частные заводы Урала крепостническими. Это не соответствует действительности. Во-

первых, крепостных на Урале было очень мало. Во-вторых, владеть крепостными в России могли только дворяне. Большинство же заводчиков происходили из купцов, ремесленников, инородцев или иностранцев и права владеть крепостными не имели. Поэтому работников приписывали непосредственно к заводам. Это ставило их в положение государственных служащих. Другим несоответствием действительности является изображение труда заводских работников каторжным и бесперспективным. На самом деле внутри завода действовал свой «табель о рангах». Приписанный к заводу работник, независимо от его предыдущего сословного положения, не платил податей, двигался по ступеням заводской иерархии от ученика до старшего мастера, получая не плату за труд, а твердый оклад. С 1857 г. проработав минимальный срок (35 – 40 лет), приписанный работник мог подать в отставку и получал пенсию. Источники свидетельствуют также о распространении артелей или артельных принципов организации труда в русских промышленных предприятиях. Все это указывает на особый, отличный от европейского путь промышленного развития России.

Формационная теория К. Маркса остается высшим достижением материалистического понимания истории. Ее отличает безукоризненная методология, продвинутость в части описания современной К. Марксу капиталистической формации, ее формирования и начального этапа развития. В то же время описание докапиталистических формаций страдает фрагментарностью и недоработанностью. Возьмем, к примеру, феодализм. Он характерен лишь для части западноевропейских стран на определенном этапе их исторического развития. Точно так же азиатский способ производства в той форме, в какой его описывал К. Маркс, характерен лишь для некоторых стран Азии. Я полагаю, что в значительной степени это связано с недостатками современной К. Марксу исторической литературы.

Этим объясняется и видение К. Марксом исторического пути России, а также ее возможного будущего. Путь России к социализму через поземельную общину отстаивал Н. Г. Чернышевский, не говоря уже о массе народников, чьи работы были хорошо известны в Европе. К. Маркс ознакомился с их работами и особенно ценил Чернышевского.

К сожалению, с формационной теорией К. Маркса случилось самое худшее из того, что могло случиться с социально-экономической теорией – она была догматизирована в СССР и других странах социалистического лагеря. В результате любая попытка ее развития расценивалась как ревизионизм и приравнивалась к политическому преступлению. Одновременно теория К. Маркса перестала быть помощником историка и превратилась в «прокрустово ложе», в которое должна уложиться история любой страны. Мы должны изменить такое положение вещей.